

— Знаете ли вы, какие проблемы есть у Хэцю? — И Шэн пристально смотрел на Чжао Цяня, не упуская ни одной его реакции.

Он подумал, что самый быстрый способ разобраться в ситуации с Шэнь Хэцю — это воспользоваться удобным путем через Чжао Цяня, который три года был его менеджером и нянькой. Тот наверняка знает о состоянии Шэнь Хэцю.

К тому же отношения Чжао Цяня с Шэнь Хэцю тоже очень близкие. Если хочется узнать, что именно произошло с Шэнь Хэцю, то самый вероятный источник информации — это Чжао Цянь.

Чжао Цянь выпрямился и уставился на него:

— О чем вы?

— Я хочу знать о делах Хэцю, — сказал И Шэн. — Мне нужно выразиться яснее?

Чжао Цянь молчал.

— Депрессия, — глядя на Чжао Цяня, И Шэн медленно произнес это слово. — Так?

Чжао Цянь какое-то время смотрел на И Шэна, потом достал из кармана сигарету, закурил и усмехнулся:

— А узнав, что сможешь сделать? Хочешь помочь ему? Разве ты сможешь ему помочь?

Если бы человеческая помощь была эффективна, разве он, пробывший рядом с Шэнь Хэцю три года, допустил бы, чтобы тот стал таким, как сейчас?

Чжао Цянь не верил, что И Шэн сможет помочь Шэнь Хэцю. Капиталисты — не самые лучшие люди.

— Некоторые вещи не получится исправить, даже если захочешь.

И Шэн:

— Я смогу.

И Шэн убрал улыбку, его нахмуренные брови под светом люминесцентных ламп в коридоре казались свирепыми и суровыми.

Он не любил, когда в нем сомневаются, особенно в вопросах, касающихся Хэцю.

Чжао Цянь в раздражении схватился за волосы и с пренебрежением сказал:

— Что ты сможешь? Ты еще ничего не знаешь, а уже говоришь, что сможешь?

— Такие, как ты, уже бывали раньше. Сначала всегда красиво говорят, хотят помочь, проявляют терпение, все сладкие речи уже произнесены, а в итоге все равно бросают его.

Чжао Цянь усмехнулся.

Если бы не было таких людей, состояние Шэнь Хэцю не ухудшилось бы, он не закрылся бы в себе и даже не приобрел социальное тревожное расстройство.

Чжао Цянь затянулся сигаретой и снова усмехнулся:

— Ты сможешь ему помочь?

Взгляды двух людей в воздухе сталкивались, почти высекая искры.

И Шэн вдруг улыбнулся:

— Почему нет?

Он приподнял бровь и медленно сказал:

— Раз ты не веришь в такие пустые слова, как терпение и забота, тогда скажу конкретнее.

— Я смогу ему помочь. Я смогу нанять для него самых профессиональных врачей, обеспечить лучшее лечение.

— Потому что у меня есть деньги, — четко, по слогам произнес И Шэн эти пять слов.

Чжао Цянь был потрясен бесстыдством И Шэна. Он смотрел на него с широко раскрытыми глазами, рука с сигаретой слегка дрожала:

— Ты... черт, да ты просто сука.

Он несколько раз затянулся, успокаивая свое раздраженное состояние.

— Ладно, скажу тебе. Но я и сам многого не знаю.

Чжао Цянь заметил, что И Шэн нахмурился, и пояснил:

— Сейчас в больницах очень серьезно относятся к конфиденциальности. Если пациент хочет скрыть, то может скрыть так, что никто не узнает.

— Я знаю только, что он ходил к кардиологу и психиатру, вероятно, проблема не мелкая, также он принимал лекарства, и лечение, должно быть, длится много лет. Но конкретную причину я не знаю. Я тоже случайно обнаружил, он понял, что скрывать бесполезно, и тогда немного рассказал.

— Но, — сказал Чжао Цянь, — я думаю, возможно... тут есть семейный фактор. Кажется, у него смешанная семья, семейные отношения не очень гармоничные.

И Шэн:

— Ты только что сказал, что раньше тоже были такие, как я. Кто именно?

Чжао Цянь покачал головой:

— Я только знаю, что такой человек был, кажется, тоже из шоу-бизнеса, но не знаю, кто именно.

— Потому что его хвастливое терпение продержалось смехотворно мало. В то время у Шэнь Хэцю был период карьерного роста, я был занят организацией его выступлений, не было сил обращать внимание на то, что его новый друг — скотина. Когда я узнал и захотел спросить, он уже отказался говорить, кто это.

Чжао Цянь выпустил дым:

— Если хочешь помочь — помогай. Но ты и сам уже какое-то время с ним общаешься, более-менее знаешь его ситуацию.

— Если не сможешь быть с ним все время, тогда не стоит и заводить знакомство, становиться для него опорой, а потом уходить.

— Вы, богатые, любите играть, разыгрываете любовные сценарии один за другим, не уставая.

— Чжао Цянь поднял взгляд на И Шэна, его выражение было спокойным. — Но Шэнь Хэцю глупый, обмануть его — проще простого.

— Ему и нескольких жизней не хватит, чтобы играть с тобой.

Выражение лица И Шэна не изменилось. Он смотрел на Чжао Цяня и тихо рассмеялся:

— Если бы, как говорит господин Чжао, я уже давно должен был бы заманить его в постель.

— Нужно уважать разнообразие материального мира. На свете есть не только подлые красавчики-богачи, но и верные красавчики-богачи.

Под ошеломленным взглядом Чжао Цяня И Шэн с улыбкой сказал:

— Сегодня мне еще нужно дежурить у постели, поэтому провожать господина Чжао я не буду.

— До встречи.

Чжао Цянь застыл на месте, ему показалось, что эти слова проводов звучат довольно знакомо.

В прошлый раз перед виллой, кажется, его тоже так провожали.

Чжао Цянь пришел в себя, только когда сигарета дошла до пальцев и обожгла их.

Он смотрел на удаляющуюся фигуру И Шэна, стиснув зубы, потушил сигарету и, следуя по пятам за И Шэном, рванулся к двери палаты Шэнь Хэцю, тоже желая войти.

Но не успел он открыть дверь, как его остановила проходившая мимо медсестра:

— Извините, господин, вы не можете войти. Для спокойного отдыха пациента количество сопровождающих в палате уже заполнено.

Она указала на светящуюся табличку «Сопровождающие заполнены» рядом с дверью палаты и с улыбкой попросила Чжао Цяня уйти.

Чжао Цянь:

...

Черт! И Шэн и вправду старая сука!

Шэнь Хэцю было немного холодно.

В маленькой комнате, которую снимала мама, дуло, поэтому, когда спал на полу, было очень холодно.

Ранка на руке, которую мама нанесла бутылкой, все еще ныла. Шэнь Хэцю лежал на полу, в маленькой комнате не было света, было темно.

Мама, накричав на него, снова ушла из дома. С тех пор как папа ушел из семьи, она сильно изменилась, часто била его и говорила вещи, которых он не понимал.

Но Шэнь Хэцю, наверное, догадывался, что все эти слова ругали его.

Шэнь Хэцю долго старался, пытался угодить маме, но все заканчивалось насилием и руганью.

Когда ему стало очень-очень тяжело, появился папа.

Но Шэнь Хэцю просто перешел из заточения в маленькой комнате, где дуло, в заточение в маленьком чердачном помещении, где не дуло.

В обоих не было света.

Холод поднимался от ног вверх. Шэнь Хэцю сидел на корточках в углу чердака и тихонько пел себе, терпя пронизывающий до костей холод.

Пока не услышал, как кто-то с силой взломал заржавевшее окно чердака.

Подросток, ступая по карнизу, прыгнул внутрь через окно.

Его лицо растворялось в теплом сияющем ореоле, неясное, только серебряный браслет на руке отражал яркий свет, словно лезвие, рассекая бесконечный холод.

Шэнь Хэцю услышал, как он сказал:

— Ты так красиво поешь.

— Можешь спеть для меня еще одну песню?

Шэнь Хэцю открыл глаза.

Он в замешательстве сел на кровати, незнакомая обстановка вокруг немного ошеломила его.

Он опустил взгляд на капельницу, воткнутую в тыльную сторону ладони.

Холодная жидкость капля за каплей поступала через иглу в тело, отчего ему было немного холодно, а запах дезинфицирующего средства в носу напоминал, что он в больнице.

Шэнь Хэцю лишь смутно помнил, что, кажется, потерял сознание в машине, чувствовал, будто все тело охвачено огнем, было очень нехорошо, кто-то поднял его на руки, а потом, кажется, еще утешал...

— Проснулся? — И Шэн вошел в палату как раз в тот момент, когда увидел, что Шэнь Хэцю растерянно сидит на кровати, беспомощный и маленький.

И Шэн не спал всю ночь, в голове бушевали гнев и сердечная боль, сильный эмоциональный конфликт вызывал пульсирующую боль в висках.

С одной стороны, он думал, что обязательно схватит этого непослушного малыша и хорошенько проучит, чтобы тот больше не смел скрывать от него, с другой — ясно понимал,

что сейчас не подходящий момент, одни лишь допросы только оттолкнут человека еще дальше и даже усугубят и без того нестабильное психическое состояние Шэнь Хэцю.

Но когда Шэнь Хэцю действительно проснулся и он увидел его по-прежнему бледное, хрупкое лицо, те неразумные импульсивные эмоции рассеялись, оставив лишь сердечную боль, страх и некоторое облегчение после стабилизации состояния.

И Шэн сел на край кровати, его взгляд стал мягким:

— Грелка еще теплая?

Шэнь Хэцю увидел маленькую грелку, подложенную под правую руку с капельницей, и почувствовал, что ладонь теплая.

Он медленно кивнул, его янтарные глаза были затуманены, лицо по-прежнему отливало нездоровым лихорадочным румянцем, и он выглядел еще немного одурманенным.

<http://bllate.org/book/15590/1389595>